

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 327

НЕОБЫЧНЫЙ УЛЬТИМАТУМ

Я.Я. Гришин

Аннотация

Статья посвящена интересному и в то же время поучительному событию в истории дипломатии, имевшему место в марте 1938 г., – необычному ультиматуму, который Польша предъявила Литве. Его суть заключалась в том, что последнюю заставили силой пойти на установление дипломатических отношений с Варшавой.

Начало 1938 г. ознаменовалось активностью польской внешней политики на германском направлении. 14 января Ю. Бек совершает вояж в Берлин, где он был принят Гитлером. Разговор продолжался полтора часа [1].

23 февраля глава польского внешнеполитического ведомства принимал Геринга. Среди других вопросов рассматривался и австрийский. Польский посол в Берлине Липский, присутствовавший при встрече, чуть позднее запишет: «Господин министр Бек указал, что если речь идет об Австрии, то, как он уже сказал в свое время в Берлине, политических интересов мы там не имеем, а имеем экономические и транзитные» [2], то есть Геринг пытался согласовать с польским правительством предстоящий аншлюс, обещая за поддержку помощь в отношении устремлений Варшавы.

На рассвете 13 марта 1938 г. гитлеровские войска вступили в Австрию. Ее независимость была ликвидирована. Данная акция по-разному была встречена в Польше.

Бек в это время находился в Италии и не спешил с возвращением в страну, намереваясь отдохнуть в Сорренто. Тем временем в его отсутствие в Варшаве, в замке 12 марта прошло совещание с участием маршала Рыдз-Смиглы – Генерального Инспектора, генерала Складковского – председателя кабинета министров и Шембека – заместителя министра иностранных дел. На нем они приходят к выводу, что выступление против гитлеровской акции в отношении Австрии в интересах Польши нецелесообразно [3].

По мнению Смиглы, встав на нейтральные позиции, Варшава могла бы получить от Германии принципиальные выгоды в Гданьске. Это был отголосок политического наследия Пилсудского, который, как известно, намеревался

трактовать позицию Польши в отношении аншлюса как объект торговли. Рыдз полагал, что после присоединения Австрии рейх выступит против Чехословакии, а потом, возможно, и против Польши. Тем не менее, он высказался за продолжение политики сближения с Германией, избегая лишь веры ей «вслепую» [4].

13 марта Шембек принял германского посла в Варшаве Мольтке и заявил ему, что Польша трактует аншлюс как внутреннее дело Австрии, в которой она, Польша, имеет лишь экономические интересы [5]. Подобное заявление Шембек делает и послу Великобритании Кеннарду [6].

Кроме аншлюса на совещании рассматривался литовский вопрос. Поводом к нему стал пограничный казус, происшедший 11 марта (в 17 метрах от польско-литовской границы был обнаружен польский солдат, убитый литовской пограничной охраной) [7].

Было решено добиваться политического подчинения Литвы Польше. 13 марта в Варшаве публикуется правительственное коммюнике, в котором утверждается, что инцидент явился результатом ненормального состояния на границе и враждебной атмосферы, созданной литовским правительством. Далее в коммюнике заявлялось, что польское правительство отвергает литовское предложение о том, чтобы вопрос об урегулировании пограничного спора, возникшего в связи с происшедшим инцидентом, передать на рассмотрение смешанной польско-литовской комиссии [8].

Тем временем Беку из Варшавы поступила информация, которая заставила его быстро изменить планы. Речь в данном случае шла не только об аншлюсе Австрии. Совершенно неожиданно разрастается сверх всякой меры проблема несчастного инцидента на литовской границе. Бек видел в нем возможность не только разрубить тот действительно «гордиев узел», каким было отсутствие нормальных дипломатических отношений между Польшей и Литвой, но также и, может быть, прежде всего, возможность совершения такого жеста, который в европейском мнении, да и во внутриваршавском, был бы своеобразным противовесом очередному успеху Германии [9].

«Потребность демонстрации со стороны Польши в момент аншлюса чувствовал как Бек, так и Смиглы. Последний отдавал себе отчет в опасности для страны последствий роста мощи рейха. Однако с начала 1938 г. в условиях «линии 26 января» всякая активность Польши могла дойти до каких-то результатов только в опоре на Германию. Отсюда разговор на тему Гданьска носил по сути дела теоретический характер. Оставался выбор – вопрос литовский либо чехословацкий. Последний, как вытекало из результатов визита Геринга в Польшу, должен был быть разрешен совместно с немцами. Следовательно, потребность демонстрации могла найти выход только на литовском направлении. Польские политики, выступающие против Литвы, используя пример Берлина в Австрии и рассчитывая на позитивную реакцию рейха, обольщались, что таким способом заполнится пробел на балтийском направлении в постулируемой Бекком концепции «третьей Европы». Литва в роли сателлита Польши, как себе представляли в Варшаве, усилила бы монтируемый Бекком антисоветский занавес в Европе. Это сделало бы невозможным политическое сближение между

Ковно и Москвой, с другой стороны отпадала угроза вхождения Литвы в орбиту германского влияния.

Потребность демонстрации на литовском направлении обосновывалась, однако, не только интересами внешней политики. В равной степени причина демонстрирования «державной позиции Польши» лежала в тогдашней внутриполитической ситуации.

Санационному лагерю, расколовшемуся после смерти Пилсудского, оторванному от масс и стоящему перед лицом усиливающейся активности оппозиции как справа, так и слева, требовался стремительный успех. Он давал возможность развязывания шовинистических, националистических настроений и тем самым мог влиять непосредственно на усиление в обществе позиций правящего лагеря» [10].

Поводом к выступлению против Литвы мог быть либо разрыв с ней в конце февраля неофициальных переговоров по вопросу нормализации отношений между двумя странами, либо убийство 11 марта литовской пограничной стражей польского солдата Корпуса пограничной охраны Станислава Серафины [11]. Выбрали пограничный инцидент, который, как мы видим, имел место накануне вторжения германских войск в Австрию.

Акция Польши против Литвы начинается уже 12 марта, в тот день польская сторона прервала переговоры с представителями литовской местной администрации по вопросу предотвращения инцидента [12]. Правда, пишет Войцеховский, в это время не были точно определены цели намеченной демонстрации. Решили подождать возвращения Бека из Италии. Пока же в качестве программы-минимум посчитали согласие Литвы на нормализацию дипломатических отношений с Польшей [13]. Об этом польский МИД через эстонского и латвийского посланников в Варшаве дал понять Каунасу. Если же от литовцев не последует официального заявления о согласии, то предложение со стороны польского правительства следовало рассматривать как ультиматум, срок для ответа на который мог быть определен в 24 часа либо, в крайнем случае, 36 часов [14].

Получив информацию, Бек приказал укладывать все в только что распакованные чемоданы и 14 марта начал обратный путь. Перед отъездом он позвонил Складковскому и заявил о необходимости созыва совещания на высшем уровне с участием президента страны и Генерального инспектора сразу же после его приезда в Варшаву.

На торпедном катере, который вез его в Неаполь, он, как пишет в своих воспоминаниях, набросал план действий [15].

В Варшаве в это время Смиглы выразил Складковскому свое недовольство каким-то сообщением, в котором говорилось, что разрешение литовского инцидента может начаться с возвращения министра иностранных дел. «Возможно, маршал снова намеревался сам решить сложный вопрос?» – вопрошает О. Терлецкий. И тут же отвечает: «Конечно, нет. Во всяком случае противился включению в готовящийся правительственный документ острых заявлений, так как считал, что если они делаются, то их следует выполнять. Сегодня же это еще невозможно, так как следствие может показать, что вина за инцидент лежит на польской стороне». Тем не менее уже по всей стране аппарат ОЗОНа, Стрельцы, Союз польской молодежи начинают готовить соответствующие ма-

нифестации [16]. Одновременно к административной границе было решено подтянуть польские войска [17].

Бек тем временем находился в пути. Проезжая через Вену, он хвастливо записал, что его приветствовал со всеми подобающими почестями новый канцлер Австрии Зейс-Инкварт [18]. В данный момент в австрийскую столицу уже прибыл Гитлер, чтобы принять участие в большом параде. Польский посол в Вене Гавроньский по поручению Бека, высланному еще из Сорренто, обратился к фюреру за аудиенцией и утром 15 марта был принят им в отеле «Имперал» [19].

Как в этих условиях вела себя литовская сторона? 14 марта литовское правительство через своего посланника в Таллине предложило Польше возобновить деятельность смешанной пограничной комиссии для расследования пограничного инцидента и проявило инициативу к непосредственным переговорам по этому вопросу с целью изыскания средств, которые позволили бы предотвратить повторение подобного рода случаев в будущем.

Польское правительство не ответило на эти предложения [20].

В тот же день вечером генеральный секретарь литовского МИД Урбшис уведомил германского посла в Ковно Зехлина об инциденте на польско-литовской границе, а также о тревожных известиях, касающихся позиции Польши в этом деле. Урбшис, ссылаясь при этом на информацию, переданную через эстонского посла в Варшаве, указал также на опасения, какие в Ковно вызывают антилитовские демонстрации, проходившие на территории Польши [21]. Германский посол ограничился принятием к сведению данной ему информации.

16 марта литовский посол в Берлине Шаулис обратился к заместителю министра иностранных дел Маккензену и уведомил его о посредническом литовском предложении, переданном польскому послу в Таллине [22]. Правительство Литвы, отметил Шаулис, предложило создать комиссию для разрешения пограничного инцидента, а также начать непосредственно переговоры с целью нахождения способов обеспечения безопасности перед возможным повторением подобного рода инцидентов в будущем. Так как Польша не ответила на литовские предложения, из этого, по словам Шаулиса, следовало, что Варшава намерена выступить в адрес Литвы с требованиями ультимативного типа. По его мнению, поляки, возможно, будут требовать установления польско-литовских дипломатических отношений, что означало бы признание Литвой принадлежности Вильно Польше. Шаулис, правда, не просил рейх непосредственно о помощи, однако заметил, что поляки хотят использовать пример Германии в отношении Австрии.

Маккензен во время встречи вел себя сдержанно. Он обратил внимание литовского посла на то, что Польша не могла еще принять принципиальных решений, ибо Бек возвращается из Италии в ночь с 15 на 16 марта [23].

Германский дипломат чуть-чуть ошибался. Польский министр иностранных дел прибыл в Варшаву венским экспрессом 15 марта. Это вытекает из заметки Шембека о разговоре с послом Кеннардом [24]. Следовательно, литовцы не без оснований проявляли беспокойство по поводу позиции Польши, занятой ею после пограничного инцидента 11 марта. До Ковно доходили вести о подго-

товке Варшавой ультиматума; данная информация получала непосредственное подтверждение в волне антилитовских демонстраций, проходивших в Польше.

В этой стадии конфликта рейх сохранял полный нейтралитет, что можно объяснить скупой информацией о сути конфликта, так и прошедшим аншлюсом [25].

Бек, прибыв в полдень в Варшаву, сразу же отправился к президенту. Конференция на высшем уровне в составе Мосьцицкого, Бека, Рызд-Смиглы, Складковского и вице-премьера Квятковского началась в 17.00 и проходила долго. Была, как впоследствии признавал глава МИД, очень тяжелой. Президент и вице-премьер не поддерживали предложение о занятии жесткой позиции. Складковский, наоборот, налегал на твердое разрешение, Смиглы говорил о ведущихся первоначально военных приготовлениях [26].

«Не без удовлетворения, – записал Стаженский, – Бек говорил после возвращения из Замка, что превалировал его тезис, к которому потом присоединились другие. Он заключался в том, что Ковно поставили минимальные условия, а точнее говоря, одно: установление нормальных дипломатических отношений, что в дальнейшем могло бы вести постепенно к решению и ликвидации других проблем. Это одно единственное условие, однако, по мнению Бека, должно было быть поставлено категорическим образом, чтобы акции не помешали. Так возник своего рода ультиматум, направленный не на разрыв, а на установление дипломатических отношений между двумя государствами» [27].

17 марта Бек в общей форме заявил о польской ноте, которая вечером будет вручена представителям Литвы. Нота, заявил Бек, составлена в энергичном тоне, но содержащиеся в ней требования сдержанны. Бек подчеркнул, что если Литва не согласится на польские условия, то последствия могут быть самыми серьезными [28].

Ультиматум, содержащий единственное условие (другие не упоминались, в том числе условие ликвидации из Литовской конституции недавно введенного в нее параграфа, говорящего о Вильно, как столице Литвы), которое передается вечером 17 марта при посредничестве польского посла в Таллинне с 48-часовым сроком, заканчивался вечером 19 марта [29] в день именин Пилсудского. Аккредитация посланников в Варшаве и Каунасе должна была произойти до 31 марта.

Выдвижению данного ультиматума в конце встречи противился один Квятковский, о котором позднее Бек вспомнит в связи с этим событием, что он «...всегда боялся важных решений».

Как считает Терлецкий, польский ультиматум в соответствии с первоначальным проектом, обсужденным еще до приезда Бека, содержал целый ряд требований [30]. Из записей Бека и Шембека вытекает, что в ходе встречи в верхах решили ограничиться только требованием установления дипломатических отношений. Шембек вспоминает, что целью выдвинутого ультиматума являлось признание Литвой принадлежности Вильно Польше [31].

В день передачи ультиматума варшавский ежедневник «Новая правда», появившийся на русском языке, опубликовал текст польского ультиматума к Литве. По мнению газеты, ультиматум должен был содержать еще требование о заключении договора о меньшинствах, а также торгового и таможенного догово-

ров, изъятия из польской конституции вопроса о Вильно и требование полного удовлетворения за инцидент 11 марта.

Чрезвычайное приложение газеты, содержащее пункты ультиматума, конфискуется польскими властями [32]. 18 марта в Вильнюс демонстративно прибыл Рыдз-Смиглы. По всей Польше были организованы антилитовские манифестации, которые проходили под лозунгом: «Вождь, веди нас на Ковно!» [33].

Как вели себя в этих условиях великие державы, к которым в ночь на 18 марта обратилось литовское правительство за помощью и посредничеством в нагнетавшемся конфликте, грозящем, как повсеместно считали, польским вооруженным демаршем?

Их представители в день возвращения Бека и совещания в Замке проводят дипломатические акции. У Шембека, например, вначале с острым демаршем появился Кеннард и сообщил, что Литва стремится к мирному разрешению конфликта, что в Ковно господствует паника и что его правительство, не намереваясь вмешиваться в польско-литовский конфликт, единственно надеется на мирное урегулирование спора [34].

Далее у заместителя Бека побывал также с острым демаршем французский посол Ноэль, заявив, что его демарш будет подобен британскому, так как оба правительства ранее согласовали свои позиции. Ноэль выразил надежду, что аннексии Литвы не произойдет [35]. «И это было в данной ситуации, пишет Терлецкий, самое несчастное высказывание, которое – мог изложить» [36].

Первого Шембек вежливо поблагодарил, со вторым говорил холодно, проинформировав его, что, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, «считаем, что следующие пункты не отменяются». Это были вопрос о Вильно, неоднократный разрыв Литвой переговоров с Польшей без уведомления повода к этому, а также повторяющиеся пограничные инциденты [37].

В этих словах Шембека, как отмечает Войцеховский, нетрудно усмотреть элементы текста ультиматума, опубликованного 17 марта «Новой Правдой». Шембек при этом не считал необходимым объяснить французскому послу все элементы проектируемого ультиматума, не желая, очевидно, слишком сильно беспокоить французов [38].

С точки зрения Войцеховского, принятое в Варшаве 16 марта решение об ограничении ультиматума только требованием установления дипломатических отношений появляется, прежде всего, вследствие интервенции англичан и французов [39].

Вечером 16 марта непосредственно после конференции в Замке Шембек проинформировал германского посла Мольтке, что Литва хочет ограничиться только урегулированием пограничного инцидента. Польша же стремилась установить с ней дипломатические отношения. Таким образом, окружным путем рейх уведомили о содержании польского ультиматума Ковно.

Информация, полученная Мольтке, передается 17 марта Гитлеру [40]. В тот же день он направляет в Берлин текст мнимого польского ультиматума. 18 марта его содержание подтверждает информация, полученная немецкой разведкой и доставленная Йодлю, начальнику оперативного управления вермахта. То, что получила разведка, совпало с содержанием Чрезвычайного приложения «Новой Правды». Возможно, считает Войцеховский, что германская разведка в Варша-

ве черпала свою информацию по проекту из «Новой Правды», а, возможно, из более компетентного источника [41]. Если речь идет о польском источнике, то факт существования первой, более широкой и острой редакции ультиматума вытекает не только из реляции Шембека о конференции в Замке 16 марта.

17 марта вечером Бек встретился с Мольтке и заявил ему, что информация, поданная ежедневником «Новая Правда», абсолютно неточна [42]. Вместе с тем он не сообщил текст польской ноты Ковно. Позиция, какую в отношении Мольтке представлял глава польского МИД по вопросу конфликта с Литвой, можно определить как *fortiter in modo, suaviter in re*. Однако Бек не исключал более серьезных акций против литовцев в случае отказа их от польского ультиматума [43]. Тем не менее он заверил германского посла, что Польша не поставит Германию в неловкое положение, что переговорит с Берлином, если конфликт приобретет серьезные размеры. Подобное заявление польский посол в Берлине Липский передал в руки Геринга 18 марта [44].

Германия более всего была заинтересована в сохранении враждебности и ненормальности в отношениях между Литвой и Польшей. Зная от посла Мольтке, реферировавшего варшавские голоса, о первом проекте ультиматума Литве, требовавшего по сути дела введения польского *tout court* протектората над этой страной, Риббентроп живо признал, что данный проект неприемлем для Германии, так как его реализация избавила бы рейх от элемента обмена в запланированном (на будущее) торге с Польшей. Давно было известно, что гитлеровские политики во главе с самим фюрером давали понять полякам, что взамен за поморский «коридор» они могли бы получить Литву и тем самым доступ к Балтике, в иных местах побережья, правда, без предназначенной для Германии Клайпеды, но во всяком случае с Палангой.

Однако в момент польского вторжения даже судьба Клайпеды могла казаться в Берлине негарантированной, действительно, до этого порта было ближе с Крулевца либо Тулузы в Восточной Пруссии, чем с польского августовского поозерья, но можно было дойти до коллизии, которой немцы себе не желали.

Отсюда нервное состояние Мольтке. Облегчение для него наступило, когда он узнал о содержании выдвинутого ультиматума и услышал заверение, что, очевидно, Польша не поставит Германию перед свершившимся фактом. Получилось, что Варшава согласовала вопрос с немцами, проигнорировав Францию. Даже Смиглы сказал: «На французов теперь нужно идти с кнутом» [45].

В целом, в течение двух дней 17 и 18 марта в Берлин шла противоречивая информация. С одной стороны, она говорила об умеренности польских требований, с другой, создавалось впечатление, что Польша не остановится перед использованием вооруженных сил против Литвы. Следовательно, Германия хотела в первую очередь уловить заявление Бека, изложенное 17 марта вечером Мольтке. Последнему поручалось передать в Варшаву благодарность за обещание советоваться с Берлином, а также подтвердить его особую заинтересованность польско-литовским конфликтом. Подобным образом поступил Риббентроп в беседе с Липским 18 марта [46].

Одновременно немцы советовали литовцам принять польский ультиматум. Сделал это Риббентроп в вежливой форме во время беседы с послом Литвы в

Берлине 17 марта. На следующий день данный совет прозвучал более однозначно. Германский министр иностранных дел представил Шаулису свою позицию как «точку зрения фюрера». Рейх отказался от литовского предложения посредничества в возникшем конфликте [47].

Вслед за этими мероприятиями на дипломатической арене рейх начал подготовку на случай польско-литовского вооруженного конфликта. 17 марта в записке, представленной предположительно Гитлеру, Риббентроп пришел к выводу, что после аншлюса немцы заинтересованы в успокоении международной ситуации. Он не видел также выгоды Германии от инкорпорации Литвы к Польше. Таким образом, продолжал Риббентроп, «Литва отпадала бы как объект компенсации за передачу немцам коридора». Глава нацистского МИД одновременно полагал, что в случае вооруженного польско-литовского конфликта рейх должен оккупировать Клайпеду. Цитируемый фрагмент его записки показывает, что с начала 1938 года он имел перспективу выдвижения в отношении Польши требования уступки Поморья взамен за *desinteressement* рейха в отношении Литвы. Это был один из поводов, по которому Берлин неодобрительно смотрел на возможность подчинения Литвы Польше без конкретных территориальных выгод для Германии.

Соответствующую подготовку к возможным военным шагам против Литвы Германия предпринимает еще 17 марта. Собственно в этот день Гитлер поручил генералу Кейтелю подготовить оккупацию Клайпеды вместе с неопределенной ближайшей литовской территорией, которая не входила в состав установленной Версальским договором так называемой «зоны Клайпеды». 18 марта ОКВ издает директиву *Fale Мемель* [48]. В тот же день Кейтель переслал в МИД карту с предполагаемой польско-германской демаркационной линией на литовской территории. Территория, которая должна была быть занята германскими войсками, далеко выходила за «территорию Клайпеды».

В то время, когда нацисты кроили карту, Рыдз-Смиглы, как мы видели, приехал в Вильно и с балкона своего отеля принимал овации в свою честь. Мостовые города гудели под сапогами марширующих полков пехоты, пронзительно лязгало железо от передвигающихся по улице пушек.

Литовское правительство, готовое с самого начала принять ультиматум, однако обратилось за посредничеством к Франции о продлении на две недели обозначенного уже срока обмена между Ковно и Варшавой дипломатическими представителями. Это, как считает Терлецкий, была попытка сохранить престиж [49].

Французский посол в Варшаве Леон Ноэль позднее запишет: «Какой же это мелкий и незначительный спор. Еще не было такого случая и правдоподобно никогда уже не будет, чтобы какое-то государство выдвинуло другому государству ультиматум, требующий под угрозой войны установления дипломатических отношений. Поляки могли выделить литовцам, по крайней мере, на пару дней больше для направления их посла в Варшаву. А с другой стороны, что можно сказать о небольшой Литве, которая готова согнуться перед польским ультиматумом, однако считала за честь не использовать возможность полностью, рискуя скорее войной, чем отправить своего дипломата в Варшаву 1 вместо 15 апреля?»

Ни в Париже, ни в Лондоне никто не мог представить себе, чтобы такой мелкий повод мог толкнуть на непродуманные шаги. Я, однако, думаю, зная Бека и характер поляков, и отдавая себе отчет, как сильно затронута этой проблемой общественное мнение, не разделял тех иллюзий. Мне было поручено усиленно налегать на Бека с тем, чтобы польское правительство согласилось на уступку по вопросу даты. Однако воздержался от такой категорической постановки вопроса, так как застал на этот раз Бека нервным, менее примирительным, чем когда-либо, и проявлявшим большую раздражительность, когда со всей осмотрительностью уведомил его о позиции Парижа и Лондона» [50].

«Разбить Литву, пишет Терлецкий, с ее тремя полками кавалерии, семью – пехоты, одной старой канонеркой было слишком простой операцией, которая могла длиться от 2 до 3 дней. Но поглотить почти 2 млн. литовцев и создать из них еще одно, значительно численное национальное меньшинство для Речи Посполитой было не с руки, так как она являлась государством экономически слабо развитым, неэффективным в глазах иностранцев и, кроме того, уже насчитывавшим около 30% граждан, принадлежавших различным, некогда сильным численно, чем экономически, нацменьшинствам. Ничего этого не понимали в демократических столицах Запада, где господствовало опасение, что, следуя немцам, аннексировавшим Австрию, поляки приберут в свои руки Литву» [51].

Ноэль, вторично придя к Беку с вопросом о сроках обмена послами, не был им принят, его принял Шембек, который сразу сказал, что единственным путем для коммуникаций с Варшавой для Ковно является не Париж, а Таллин, и повторил термин *ne varietur*. Уходя, Ноэль сообщил уже полуприватно, что с идентичным демаршем явится Кеннард. Услышав, что британский посол получит идентичный ответ, Ноэль спросил, может ли он передать эту информацию Кеннарду. Видимо, передал, ибо тот не появлялся.

В межвоенное двадцатилетие, по мнению Терлецкого, французская дипломатия действовала часто не только неуклюже, но что хуже, неумело. На ее акциях отражалась растущая зависимость от Великобритании, которую время от времени силился амбициозно разорвать какой-либо премьер либо министр. Интервенция Ноэля, порученная его правительством, только разъярила Бека [52].

Переговоры об установлении польско-литовских дипломатических отношений годами велись по неофициальным каналам. Так, в январе 1938 г. министр иностранных дел Литвы Лазорайтис встретился приватно с Бекком в Женеве. Они пришли к согласию по вопросу дальнейших переговоров. Однако вскоре под давлением крайне шовинистических сил литовский министр отказался от намеченного. В этой ситуации некоторые ковенские политики ожидали какого-то своего рода принуждения, хотя ни один из них не предвидел, что оно произойдет в такой жесткой форме, как объявленный на весь мир ультиматум.

Тем временем ультиматум принимается до обозначенного 48-ми часового срока, о чем Шембек уведомил по телефону Мольтке, добавив, что Бек поручил выразить Риббентропу благодарность за позицию, занятую рейхом в польско-литовском конфликте [53]. Тем самым план раздела Литвы между Польшей и Германией потерял актуальность. Создается впечатление, что вторжение

в Литву немцы трактовали в то время как крайний случай. Из заметок, сделанных Риббентропом, вытекает, что он одобрял польские требования установления дипломатических отношений, приведения в движение железнодорожных и почтовых коммуникаций, а также подготовку договора о нацменьшинствах. Вместе с тем он негативно относился к пункту, говорящему о таможенном договоре и вычеркиванию из литовской конституции абзаца, утверждающего, что Вильно является столицей Литвы.

Характеризуя польско-литовский кризис, Мольтке в своем рапорте в МИД утверждает, что целью польской политики является овладение Литвой и Клайпедой как вторым выходом Польши на Балтику. «В этом месте, записал Мольтке, концентрируются интересы Польши и Германии». По мнению германского посла, следовало бы задуматься над таким формированием политики рейха в отношении Литвы, чтобы германские интересы были обеспечены.

Естественно, не все в Польше удовлетворились происшедшим. Крайняя польская правая была сильно раздражена содержанием ультиматума, сразу не опубликованного в прессе. Шовинисты ожидали легкой, моментальной, блицкригской победы и аннексии в стиле германской расправы с Австрией.

Вице-премьер Квятковский, во время поездки в Каноссу из телефонного разговора с Шембеком, узнав о свершившемся, просил передать сердечные поздравления Беку и подчеркнул, что радуется разрешению литовского вопроса, что это отразится, несомненно, позитивно на экономической жизни и будет наилучшим препятствием вчерашнему еврейскому наступлению на банки [54].

Бека без промедления поздравили Кеннард, Мольтке, бельгийский посол.

«Вынужденная дружба с дьяволом есть караул. Однако, отмечает Терлецкий, иногда женитьба по рассудку складывается лучше, чем по большой любви от так называемого первого взгляда. Но на это требуется много времени, терпения, мудрости, прежде всего, со стороны сильного партнера. В Европе в те годы уже не было времени на созревание браков либо хотя бы дружбы, рожденных исключительно по расчету» [55].

«Удивительный этот кризис, читаем в воспоминаниях Ноёля, который имел место вскоре после аншлюса, углубил взаимное недоверие и напряжение между Парижем и Варшавой. Некоторые французы, привыкшие искать черты романтизма в международных событиях, находили здесь только единственное объяснение, для них непонятное: воображали себе, что польское правительство действовало в соглашении с немцами, и считали, что оно готовит другую операцию: замена Гданьска и «коридора», которые отойдут Германии, территорией над Восточной Балтикой.

В этом не было ни гроша правды и кто знал отношения в Средней и Восточной Европе не мог в этом ошибаться. Уже давно многократно кружили листовки о подобном польско-германском сговоре, но в это я никогда не верил. Поляки считали, что сохранят Поморье и помешают реинкорпорации Гданьска в рейх. Немцы рассчитывали на захват того и другого без компенсации. Естественно, не думали о предоставлении Польше другого доступа к морю и не считали, что Дранг нах Остен кончится возвращением Германии «коридора» и Гданьска. Все побережье и балтийские страны немцы считали великогерманской территорией.

Не меньше подозрений против Польши появилось во Франции, не говоря уже о Великобритании. Наши журналы выражались очень сурово, польская пресса отвечала адекватно. Общественное мнение в Польше было разгорячено. Считалось, что Париж и Лондон встали на сторону Литвы. Даже Бек, хотя и одержал победу, был недоволен и вскоре был вынужден снова жаловаться на тон правительственной прессы. Дошло до острого обмена мнениями между мной и министром иностранных дел. Аж до чехословацких событий и осени 1938 г. политика полковника Бека не дала более характерного примера его принципиальных пороков и оплаканных методов. Упомянутая досадная литовская проблема негативно настроила международное мнение в отношении Польши» [56].

О. Терлецкий пишет, что «в работе неоднократно критиковал взгляды, позицию и высказывания посла Ноёля, кандидата на французского Репнина. Однако в данном случае следует признать его правоту. Ультиматум в отношении Литвы, выдвинутый ни много, ни мало на следующий день после германской аннексии Австрии, был признан в мире как польское движение в ногу с Гитлером.

Кроме того, о чем Ноэль по всей видимости не додумал, насколько польское согласие молчать об аншлюсе Австрии разрушало планы польского интегрирования Средней Европы, настолько ультиматум для Литвы начинал разрушать в конце концов политику польского баланса между двумя великими соседями, так как независимо от высоких намерений четко ставило Варшаву против Москвы. Малые и легкие тактические успехи обернулись тяжелыми потерями на двух стратегических направлениях; это личный баланс министра Бека в марте 1938 г.» [57].

Отдавая дань справедливости Ноёлю, Терлецкий однако отмечает, что в марте 1938 г. не только у Бека баланс был отрицательным. А что сделало правительство Франции после занятия Австрии? Ограничилось скромной ноткой. Чего же требовала Франция от своих союзников? Может быть выступления за интересы Франции вопреки самой Франции? Ноэль имел право говорить о «принципиальных пороках и оплаканных методах» министра Бека, но сегодня должны также рассуждать одинаково о принципиальных ошибках и еще более оплаканных методах французской дипломатии тех лет. В то время она была в глазах мировой общественности одной из мощных европейских держав и ее голос весил значительно больше, чем голос Польши [58].

Острый обмен мнениями произошел 26 марта и в соответствии со скрупулезными записями Шембека имел следующий ход.

«Посол Ноэль хотел услышать от министра заявление признания о доброжелательной позиции французской дипломатии во время последнего польско-литовского конфликта, однако встретился с категорическим отказом. Министр представил послу в историческом развитии, начиная с 1919 г., позицию Франции по польско-литовским отношениям, указывая, что эта позиция к нам всегда была недоброжелательной и враждебной. Это нашло свое убедительное доказательство и во время последнего кризиса, когда Франция четко заняла пролитовскую позицию. Далее Бек сказал Ноёлю, что в 1919 и 1920 гг. пролитовская французская позиция была вызвана желанием сохранить Белую Россию...

Ноэль начал объяснять министру, что любая его интервенция во время последнего польско-литовского конфликта была аналогичной английской. Ответ получился жестким – что с английской стороны не было никакой интервенции. Тогда посол заметил, что она не имела места только потому, что он упредил своего английского коллегу, как от нас на свой демарш получил ответ... Министр отпарировал на сказанное: никогда не слышал, чтобы английский посол получал инструкции от французского посла, и что это лишь констатирует, что имела место французская, а не английская интервенция» [59].

«Трудно выяснить, пишет Терлецкий, и, наверное, никогда это не удастся выяснить, почему посол Франции подобными интервенциями, выражением удивительных пожеланий и формулированием осмеивавших его бахвальств компрометировал себя и вдобавок свое правительство, уже и так достаточно скомпрометированное капитулянтской и все более капитулянтской позицией в отношении агрессоров. Объяснение следует искать, наверное, не в истории дипломатии, а в медицинских бюллетенях некоторых французских деятелей во главе с будущим лауреатом Нобелевской премии по литературе Алексисом Леже, который с 1933 г. аж до катастрофы Франции в 1940 г. занимал при меняющихся неоднократно министрах иностранных дел должность генерального секретаря МИД и олицетворял постоянство французской империалистической политической мысли. В период десятилетия нельзя найти на польско-французском направлении ни одного момента, в котором Леже более или менее открыто не выступал бы против Бека, Смиглы, Мосьцицкого, о Пилсудском уже и не говорим, но в целом против Польши как таковой и против ее союза с Францией. Только после поражения, к которому немало причастен, отдался полностью литературной работе, осев спокойно в США. Большая жалость, что он не посвятил себя этому занятию значительно раньше. Почему вспоминаю так подробно этого, несомненно, талантливого поэта и, несомненно, слепого политически капитулянта? Так как во многих случаях собственно Леже, а не действующий министр иностранных дел, инспирировал действия посла в Варшаве, о чем Ноэль в своих воспоминаниях не хочет признаваться и не столько по политическим причинам, сколько лично не терпел Леже. И это было взаимно. Не имея отваги противиться британцам, не имея отваги решительно выступить против гитлеровской Германии, не имея даже отваги бороться за укрощение Муссолини, трусливые французские политики типа Леже силились поддерживать миф о мощи Франции ценой союзников. Вскоре на собственной шкуре и чехи, и словаки должны были познать последствия той действительно неменяемой державной политики и жизни за чужой счет» [60].

Конфликт между Польшей и Литвой вызывает серьезное беспокойство у советского руководства. Это видно, например, из беседы заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина 15 марта с польским послом в Москве В. Гжибовским. Как следует из донесения последнего, советский представитель заявил, что «мы имеем здесь дело с самым важным событием со времени мировой войны» [61]. Далее польский посол сообщал в Варшаву, что Потемкин «предвидит далеко идущие последствия для всей Европы» [62].

На следующий день Гжибовский был вызван к Литвинову, который заявил ему, что, не входя в оценку польско-литовского спора, Москва «заинтересована

в разрешении его исключительно мирным путем и что насильственные действия могут создать опасность на всем востоке Европы». Посол ответил ему, что «он имеет последние сведения из Варшавы, что никакого ультиматума Литве предъявлено не было и что польское правительство вообще еще не приняло никакого решения» [63]. Литвинов заявил, что акция Польши против Литвы вызовет тяжелые осложнения в Восточной Европе [64]. 17 марта нарком иностранных дел отправляет телеграмму полпреду СССР во Франции Сурицу, в которой рекомендует немедленно повидать Поль-Бонкура* и спросить его, намерен ли он что-либо предпринять, чтобы удержать Варшаву от безумной авантюры, которая грозит пожаром на всем востоке Европы и отразится на положении в Центральной Европе [65]. Кроме того, Литвинов поручил сообщить, что он сделал соответствующее представление польскому послу, который отрицал факт ультиматума [66].

Естественно, Гжибовский был не прав. Об этом, в частности, свидетельствует внеочередная телеграмма временного поверенного в делах СССР в Польше Листопада в НКВД от 17 марта. В ней он сообщает, что в Варшаве «сейчас распространяется экстренное сообщение польского правительства об ультимативной ноте литовскому правительству с категорическими требованиями установления нормальных дипломатических отношений, с угрозами предпринять военные акции в случае отклонения литовским правительством требований польского правительства. Подробности ноты сообщают через ТАСС. Установлено, что в Вильню стягиваются польские войска. Отпуска польским военным прекращены. В Гдыню стягиваются отряды так называемой национальной обороны.

Перед захватом Австрии Гитлер информировал польское правительство и обещал последнему выход к морю за счет Литвы» [67].

В тот же день Литвинов выступил с заявлением для представителей печати об актуальных вопросах международной политики [68]. Заявление было направлено через поверенного в делах СССР в Польше Ю. Беку [69].

18 марта Гжибовский попросился на встречу с Литвиновым. Но она вначале не состоялась. Информацию, полученную из Варшавы, он передал по телефону. Она была следующей: «Принимаем с удовлетворением к сведению точку зрения Советского правительства, являющуюся выражением реального понимания положения о желательности мира. В особенности оцениваем заявление, что Советское правительство не желает вмешиваться ни в старые, ни в новые споры между нами и Литвой». Польское правительство не питало никогда враждебных намерений по отношению к литовскому государству и народу. Должно, однако, констатировать, что поведение литовского правительства, отклоняющего всякие переговоры, а также нормальные соседские отношения, принятые во всем цивилизованном мире, представляет опасность для мира и не может быть нами терпимо. Польское правительство надеется, что найдутся еще способы для мирного ликвидации существующих затруднений» [70].

Ознакомившись с текстом, Литвинов пригласил Гжибовского к себе на дачу, куда он и приехал. Между ними состоялась беседа, которую нарком записал:

* Министр иностранных дел с 13 марта по 9 апреля 1938 г.

«Я напомнил ему, что в последнем разговоре он отрицал посылку Литве ультиматума, и спросил, удостоверился ли он, что действительно никакого ультиматума нет. Посол ответил, что он уверен, что прежние слухи неосновательны, и что он о таком ультиматуме из Варшавы не извещен, и что он считает такой ультиматум невероятным. Я заявил тогда Гжибовскому, что я готов был бы удовлетвориться сообщенным мне по телефону ответом, хотя там имеются некоторые неточности в воспроизведении моей точки зрения. Я не говорил о том, что мы не вмешиваемся в польско-литовские споры, а что мы не входим сейчас в оценку как старых, так и новых споров. По существу, однако, большой разницы между этими двумя формулировками нет. Литва как суверенное государство может сама определять свои отношения с Польшей, и, когда это будет делаться совершенно добровольно, без принуждения и это не будет затрагивать независимости Литвы, мы вмешиваться не будем. Если, однако, я побеспокоил посла, то потому что я получил только что официальное извещение от литовского посланника о вручении вчера вечером литовскому правительству ультиматума, на который требуется ответ в течение 48 часов, с угрозой в противном случае «обеспечения государственных интересов Польши собственными средствами». Если такой ультиматум действительно вручен, то я должен оставить в силе и подтвердить то заявление, которое я сделал послу 16-го. Дело принимает слишком серьезный оборот, чтобы я мог ограничиться выслушиванием варшавского ответа, переданного по телефону.

Обращает мое особое внимание то, что Польша добивается своим ультиматумом не только установления дипломатических отношений, но, по-видимому, без всяких оговорок, т. е. [полного] отказа Литвы от своей точки зрения относительно Виленщины и по другим спорным вопросам. Такие требования, да еще предъявленные в ультимативной форме, равносильны изнасилванию Литвы, а я уже говорил послу о нашей заинтересованности в сохранении полной независимости за литовским государством.

Гжибовский стал опять выражать сомнения в правильности сведений об ультиматуме, а также в том, что отклонение ультиматума означает войну. Не думает он также, чтобы имелось в виду лишить Литву права сделать какие-либо оговорки. Я вас уверяю, сказал посол, что достаточно будет Литве проявить в малейшей мере добрую волю, чтобы конфликт был улажен. Он оговорился, конечно, что не имеет никаких инструкций делать мне такие заявления или пояснения, но он полагает, что выражает точку зрения своего правительства.

Я заявил Гжибовскому, что в создавшейся ситуации всякое недоразумение может иметь фатальные последствия. Я хочу завтра доложить дело своему правительству, чтобы оно могло принять решение. Я хотел бы иметь возможность доложить своему правительству точную информацию обо всех элементах конфликта, и поэтому прошу посла немедленно снестись с Варшавой и дать мне завтра утром ответ, предъявлен ли ультиматум, в какой форме, какие требования и намерена ли Польша в том или ином случае прибегнуть к военным действиям.

Посол обещал немедленно сообщить о разговоре в Варшаву» [71].

19 марта польского ответа не последовало. Гжибовский у Литвинова появился лишь на следующий день, имея с собой ответ Бека на поставленный нар-

комом вопрос. Он гласил: «Несмотря на разные негативные действия посторонних факторов, польское правительство ограничило разрешение литовского вопроса пределами, соответствующими традиционной польской политике. Это соответствует тому, что было высказано послу г. народным комиссаром относительно правильности возобновления дипломатических отношений».

«Я, пишет Литвинов, напомнил послу, что я только высказывал ему свою точку зрения относительно дипломатических отношений между государствами и ни в коей мере не одобрял тех методов, к которым прибегла Польша для установления отношений с Литвой. Я добавил, что эти методы побудят нас с особым вниманием следить за дальнейшим развитием польско-литовских отношений, исходя из опасения, как бы такие методы не применялись в дальнейшем при предъявлении требований менее невинного характера. Я повторил послу, что мы заинтересованы в сохранении за Литвой полной независимости не только номинально, но и фактически.

Гжибовский хотел было меня убедить в том, что по существу не было ультиматума, а так называемая «нот комминатуар». Я ответил, что такие тонкости меня не интересуют, и что обыкновенно требование, предъявленное с установкой краткого срока для ответа и сопровождаемое угрозой применения силы, называется ультиматумом, и что все эти отличительные признаки заключались в польской ноте. Во всяком случае, весь мир истолковал ее как ультиматум.

Посол снова стал говорить, что невозможно было иным путем добиться от Литвы восстановления отношений. Он при этом сообщил мне, будто Литва неожиданно прервала переговоры, которые велись неофициально за последние месяцы, причем была достигнута такая договоренность, что оставалось лишь назначить официальных уполномоченных» [72].

Как видим, позиция Советского Союза, которую он занял во время польско-литовского конфликта, была твердой и последовательной. И она, очевидно, не в последнюю очередь оказала воздействие на польскую сторону.

Конфликт удалось предотвратить. Ковно принимает ультиматум. Однако он продолжал вызывать к себе интерес, ему давались различные оценки.

В связи с этим обращает на себя внимание выступление польского посла в Вашингтоне Г. Потоцкого на пресс-конференции, о которой сообщает в письме немецкое посольство в США в МИД Германии. В нем он, в частности, подчеркнул, что Польша признает право Литвы на государственную независимость, что однако литовские притязания на Вильну несправедливы и, наконец, что Польша хочет втянуть Литву после восстановления нормальных отношений в нейтральный блок, заключенный между Германией и Советской Россией и охватывающий пространство от Балтийского до Черного морей [73].

Оценка происшедшему дается и советской стороной, в частности, В. Потемкиным в письме полпредам СССР в Литве, Латвии и Эстонии, а также временному поверенному в делах СССР в Польше П. Листопаду. «Совершенно естественно, пишет он, что угроза нового военного конфликта, созданная Польшей на литовской границе к середине марта, привлекла к себе всеобщее внимание. Мы не могли остаться безучастными к событиям на польско-литовской границе, и 16 марта, накануне вручения Литве польского ультиматума, т. Литвинов сделал серьезное представление польскому послу в Москве. Тов.

Литвинов указал, что мы не входим сейчас в оценку как старых, так и новых споров между Польшей и Литвой, однако серьезность положения заставляет нас обратить внимание польского правительства на то обстоятельство, что Советский Союз, будучи заинтересован в сохранении полной не только номинальной, но и фактической независимости литовского государства, не смог бы оставаться безучастным к событиям на польско-литовской границе, если независимость Литвы будет поставлена под угрозу. Как вы видите, предупреждение довольно серьезное. Ответ польского правительства был сообщен уже после вручения 17 марта Литве ультиматума о возобновлении дипломатических отношений. «Польское правительство, говорилось в ответе, не питало никогда враждебных намерений по отношению к литовскому государству... оно надеется, что найдутся еще способы для мирного ликвидации существующих затруднений».

При свидании с польским послом 20 марта т. Литвинов указал, что методы, к которым прибегла Польша для установления отношений с Литвой, побудят нас с особым вниманием следить за дальнейшим развитием польско-литовских отношений, исходя из опасения, что такие методы смогут применяться Польшей и в дальнейшем при предъявлении требований менее невинного характера.

Предположение о том, что Польша отнюдь не намерена ограничиться восстановлением дипломатических отношений с Литвой, подтверждается позицией, занятой прессой польских консерваторов и фашистской национальной партии. Эта пресса совершенно открыто высказывает свое разочарование тем, что польское правительство ограничилось в ультиматуме лишь требованием восстановления отношений, и призывает в связи с этим не останавливаться на достигнутом.

Эти и другие факты говорят о том, что Польша будет стремиться к дальнейшему проникновению в Литву и к усилению своего влияния в Прибалтике. Этому в значительной степени будет способствовать не только польско-германское сотрудничество в Прибалтике, но, несомненно, и попустительство по отношению к агрессорам со стороны держав и, в первую очередь, Англии.

Следует также иметь в виду, что в плане усиления своего влияния в Прибалтике Польша будет пытаться использовать в этом отношении Балтийскую Антанту. Это может найти свое выражение не только в изменении под влиянием Польши ориентации Балтийской Антанты, но и, более того, в прямой попытке Польши включиться в блок балтийских стран, поскольку возобновление отношений с Литвой устраняет последнее препятствие к этому.

Вопрос о польско-литовских отношениях и проникновении Польши в Прибалтику требует вашего пристального внимания. Вам следует постоянно держать нас в курсе отношения правительственных и общественных кругов вашей страны к этим столь актуальным в настоящее время проблемам» [74].

Интересное пояснение польско-литовскому конфликту мы находим в донесении Ю. Балтрушайтиса, полномочного министра Литвы в Москве в МИД Литвы.

«1. То, что польский посол заявил Литвинову лишь 20 марта, он должен был заявить 19 марта, потому что, не доверяя словам Гжибовского во время беседы 18 марта, Литвинов потребовал, чтобы он сейчас же снесся со своим пра-

вительством и дал ему ответ не позже 19 марта. Так как, видимо, по тактическим соображениям дипломатическим представителям Польши было приказано до истечения срока ультиматума не вступать за границу ни в какие дискуссии, Гжибовский пришел к Литвинову лишь утром 20 марта, принеся извинения за опоздание, вызванное оплошностью канцелярии министерства. Поэтому и заявление Литвинова, намеченное на 19 марта, было сделано лишь 20 марта. Как мне продиктовал по акту сам Литвинов, заявление было следующее:

«Я напомнил послу (Гжибовскому), что я изложил точку зрения на дипломатические отношения между государствами вообще, но никоим образом не выразил одобрения тем методам, которые применены Польшей для того, чтобы завязать отношения с Литвой. Эти методы заставят нас с особым вниманием следить за дальнейшим развитием литовско-польских отношений из опасения, что такие методы смогут применяться в дальнейшем при выдвижении требований менее невинного характера. Я подтвердил послу, что нам важно, чтобы Литва сохраняла свою полную независимость не только формально, но и фактически».

2. Вся московская акция в хронологическом порядке была такова:

16 марта, 3 часа. – Заявление Литвинова Гжибовскому, что возможная акция Польши против Литвы вызовет тяжелые осложнения в Восточной Европе.

17 марта, час дня. – Сообщение иностранным журналистам советской декларации, в которой предлагается государствам – сторонникам мира – созвать специальную конференцию для защиты мира и в которой польско-литовский конфликт поставлен в один ряд с трагедией в Чехословакии.

18 марта, 5 час. 30 мин пополудни. – Литвинов заявил Гжибовскому, что твердо ожидает, что сила не будет применена, так как это вызвало бы серьезные осложнения. При этом Литвинов потребовал от Гжибовского этой же ночью снести с польским правительством и на следующий день (19 марта) дать Литвинову ясный и полный ответ о том, что означает польская угроза Литве принять свои меры.

20 марта. – Запоздалое заявление Гжибовского и ответ Литвинова как в п. 1.

Примечание. Первое предложение в заявлении Литвинова от 20 марта («Я напомнил послу...») объясняется тем, что поляки (с помощью немцев и японцев) распространяли слухи о том, что Советский Союз полностью одобряет действия Польши, в то время как во время встречи 16 марта Литвинов сказал лишь то, что вряд ли можно осуждать желание поляков иметь нормальные отношения со всеми своими соседями.

Юргис Балтрушайтис,
полномочный министр

P.S. 20 марта Гжибовский от имени Бека заявил Литвинову: невзирая на различные негативные действия посторонних факторов, правительство Польши решение литовского вопроса ограничило рамками, соответствующими традиционной польской политике мира. Это было все, что польский посол заявил

г-ну народному комиссару о возобновлении дипломатических отношений между Литвой и Польшей.

Ю.Б.» [75].

Конфликт заканчивается установлением дипломатических отношений, заключаются соглашения о почтовой и телефонно-телеграфной связи, о железнодорожном сообщении.

В декабре 1938 г. состоялось подписание польско-литовского торгового договора.

В ультиматуме и последующих переговорах Вильнюсский вопрос не затрагивался.

Summary

Ya. Ya. Grishin. Unusual ultimatum.

This article attempts to look at an interesting and instructive event in the history of diplomacy which took place in March 1938 – an unusual ultimatum made by Poland to Lithuania, the latter being forced to establish diplomatic relations with Warsaw.

Примечания

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IV. – М., 1969. – С. 338.
2. Там же. – С. 340.
3. *Szembek J. Journal 1933–1939.* – Paris, 1952. – L.c.
4. Там же.
5. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik (далее АДАР) 1918–1945. Serie D (1939–1945). – Т. V. – Doc. 32.
6. *Szembek J. Journal.* – S. 288.
7. *Новицкас К.* Роль Советского Союза в деле защиты жизненных национальных интересов литовского народа в 1917–1940 гг. – Вильнюс, 1965. – С. 36; *Зуев Ф.Г.* Советско-польские отношения накануне и в период европейского кризиса 1938 г. // В сб. Советско-польские отношения. 1918–1945. – М.: Наука, 1974. – С. 215
8. *Зуев Ф.Г.* ... – С. 215.
9. *Terlecki O. Pułkownik Beck.* – Kraków, 1985. – S. 205.
10. *Wojcechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938.* – Poznań, 1985. – S. 381–382.
11. Там же. – S. 382.
12. АДАР. – Т. V. – Doc. 322.
13. *Wojcechowski M. ...* – S. 383.
14. *Зуев Ф.Г.* ... – С. 215.
15. *Beck J. Dernier rapport. Politigue polonuis 1926–1939.* – Neuchatel, 1951.
16. *Terlecki O. ...* – S. 205.
17. *Новицкас К.* ... – С. 36.
18. *Beck J. Cyt. wyd.*
19. *Terlecki O. ...* – S. 206.
20. *Зуев Ф.Г.* ... – С. 215.

21. АДАР. – Т. V. – Doc. 321.
22. Tamże. – Doc. 322. .
23. *Wojcechowski M.* ... – S. 384.
24. *Szembek J.* Journal ... – S. 293.
25. *Wojcechowski M.* ... – S.384.
26. *Beck J.* Cyt.wyd.
27. *Starzeński P.* Trzy lata z Bieckiem. – London, 1972.
28. *Зуев Ф.Г.* ... – С. 220.
29. *Szembek J.* ... – S. 295.; *Beck J.* Final Report. – New-York, 1957. – S. 145 nn.
30. *Terlecki O.* ... – S.208.
31. *Szembek J.* Cyt.wyd.
32. АДАР. – Т. V. – Doc. 327.
33. *Зуев Ф.Г.* ... – С. 220.
34. *Szembek J.* Journal. – S. 293.
35. Tamże. ... – S. 294; *Noël L.* Agresja niemiecka na Polska. – Warszawa, 1966. – S. 176.
36. *Terlecki O.* ... С. 220.
37. *Noël L.* ... S. 176
38. *Wojcechowski M.* ... S. 386.
39. Tamże.
40. АДАР. – Т. V. – Doc. 325.
41. *Wojcechowski M.* ... – S. 385.
42. АДАР. – Т. V. – Doc. 330.
43. *Beck J.* Final Report. – S. 146; *Szembek J.* Journal. – S. 296.
44. АДАР. – Т. V. – Doc. 334.
45. *Terlecki O.* ... – S. 210.
46. АДАР. – Т. V. – S. 363, przyp 4.
47. Tamże. – Doc. 328, 332.
48. Нюрнбергский процесс. Т. XXXIV. – С. 477; АДАР. – Т. V. – Doc. 333.
49. *Terlecki O.* ... – S. 209.
50. *Noël L.* Agresja niemiecka.
51. *Terlecki O.* ... – S. 209.
52. Tamże.
53. *Szembek J.* Journal. – S. 297; АДАР. – Т. V. – Doc. 327.
54. Tamże.
55. *Terlecki O.* ... – S. 213.
56. *Noël L.*... Cyt. wyd.
57. *Terlecki O.* ... – S. 213.
58. Tamże. – S. 213–214.
59. *Szembek J.* Diariusz i teki.
60. *Terlecki O.* ... – S. 214–215.
61. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. 1933–1938. – М.: Наука, 1969. – С. 340.

62. Там же.
63. Документы внешней политики СССР (далее ДВП). Т. XXI. – 1977. – Док. 83, С. 129.
64. Документы и материалы... – С. 354.
65. ДВП. Т. XXI. – Док. 84, С. 130.
66. Там же.
67. ДВП. Т. XXI. – Док. 86, С. 130.
68. Документы и материалы... – С. 354.
69. Там же. – С. 343.
70. ДВП. Т. XXI. ... – С. 130.
71. Там же. Док. 87, С. 131–132.
72. Там же. Док. 93, С. 137–138.
73. Документы и материалы... Т. XXI. – С. 345.
74. ДВП. – Док. 104, С. 153.
75. Там же.

Поступила в редакцию
19.04.05

Гришин Яков Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений и политологии Казанского государственного университета.

E-mail: *Venera.Podolskaya@ksu.ru*